

МОСКВА
И
РОССИЯ
В ЭПОХУ
ПЕТРА I

Подарочные издания. Московведение

Михаил Вострышев

Москва и Россия в эпоху Петра I

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)"1682/1725"
ББК 63.3(2)46

Вострышев М. И.

Москва и Россия в эпоху Петра I / М. И. Вострышев —
«Алисторус», 2018 — (Подарочные издания. Московведение)

ISBN 978-5-906995-51-3

Эпоха Петра I стала переломной для России. Пожалуй, невозможно отыскать такую сферу, которая не претерпела бы изменений, вызванных энергией деятельного царя. Как и во всей стране, во «вздыбленном царстве», в Москве молниеносно изменилось все – все перевернулось с ног на голову для русского человека. Но эта эпоха оставила в Москве и множество исторических памятников. Был заново отстроен Новодевичий монастырь, сооружены Сухарева башня, Крутицкий теремок на Крутицком подворье, Военный госпиталь в Лефортове, множество храмов и такой шедевр, как церковь Покрова в Филях. И хотя с 1712 года столицей России стал основанный Петром I Санкт-Петербург, Москва оставалась средоточием искусства, науки, торговли и промышленности. В книге рассказано об увлечении молодого Петра флотом в Измайлове, о зарождении его первых потешных полков в подмосковном селе Преображенском, о развитии промышленности и искусства в Немецкой слободе и о многих людях, чьими трудами крепло могущество России. Жизнь Москвы нельзя воспринимать отдельно от жизни созданного Петром I Санкт-Петербурга, от жизни старинных русских сел и городов. Поэтому в книге приведены очерки и о русской провинции, о первых годах существования новой столицы. Впервые опубликованы рассказы и очерки историков и исторических писателей XIX – начала XX века, знакомых современным читателям: Е. Шведера, М. Семевского, В. Шереметевского, Н. Калестинова, Ф. Зарин-Несвицкого и других.

УДК 94(47)"1682/1725"

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-906995-51-3

© Вострышев М. И., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Пролог	7
Московская жизнь	43
Кончина Тишайшего царя	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Вострышев

Москва и Россия в эпоху Петра I

© Вострышев М. И., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Пролог

Государственное правление

Петр Алексеевич родился 30 мая 1672 года от второго брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, воспитанницей боярина А. С. Матвеева. Вопреки легендарным рассказам Крекшина, обучение малолетнего Петра шло довольно медленно. До конца жизни он продолжал игнорировать грамматику и орфографию. В детстве знакомится с «экзерцициями солдатского строя» и перенимает искусство бить в барабан. Этим и ограничиваются его военные познания до военных упражнений в подмосковном селе Воробьеве с 1683 года. Осенью этого года Петр еще играет в деревянных коней. Все это не выходило из шаблона тогдашних обычных «потех» царской семьи. Отклонения начинаются лишь тогда, когда политические обстоятельства выбрасывают мальчика из колеи...

После смерти царя Алексея Михайловича 29 января 1676 года на престол вступил его старший четырнадцатилетний сын от первого брака с Марией Милославской – Федор Алексеевич, хилый и болезненный юноша. В царской семье постепенно начал разгораться раздор, борьба между двумя партиями – царской мачехи Натальи Нарышкиной с одной стороны и родственниками царя Мстиславскими – с другой. Последние одержали верх, результатом чего стало падение боярина Артамона Сергеевича Матвеева, обвиненного за приверженность к западным наукам в чернокнижии и отправленного в ссылку в Пустозерск.

Московские стрельцы не единожды подавали жалобы царю Федору Алексеевичу на притеснения, чинимые их командирами. Стрелецкие полковники задерживали, а иногда и вовсе не выдавали своим солдатам жалованье, заставляли их работать в своих усадьбах и чинили множество других утеснений, а за ропот безжалостно наказывали. Стрельцы решили добиваться наказания своих командиров. И тут подвернулся удачный повод.

27 апреля 1682 года умирает бездетный царь Федор Алексеевич, не оставив завещания. В Передней палате Кремлевского дворца к собравшимся боярам вышел патриарх Иоаким и сказал: «Царь Федор Алексеевич отошел в вечное блаженство; чад по нем не осталось, но остались братья его – царевичи Иван и Петр Алексеевичи. Царевич Иван шестнадцатилетен, но одержим скорбью и слаб здоровьем, царевич же Петр десятилетен. Из них, двух братьев, кто будет наследником российского престола, единый или оба будут царствовать? Спрашиваю и требую, чтобы сказали истину по совести, как перед престолом Божиим, кто же изречет по страсти, да будет тому жребий изменника Иуды!»

Собравшиеся бояре предложили передать этот важный вопрос на решение всего православного народа, «что это дело такое, которое должно быть решено всех чинов людьми».

Глухая борьба за власть Милославских и Нарышкиных переходит в открытое столкновение не без помощи озлобленных на свою жизнь стрельцов. Толпа, собравшаяся в этот день перед Красным крыльцом Кремлевского дворца, выкрикнула царем Петра, обойдя его старшего брата Ивана, болезненного и не способного к самостоятельному правлению. Сразу же послали гонца возвратить в Москву из Пустозерска А. С. Матвеева.

Но спустя два дня недовольные своим положением стрельцы подали властям новую челобитную. Они внимательно прислушивались к распространявшимся по городу слухам, что Петра поставили царем в обход Ивана и власть захватили Нарышкины. Царевна Софья Алексеевна, дочь покойного царя Алексея Михайловича от первого брака, и Милославские решили воспользоваться ситуацией и захватить власть.

В первых числах мая стрельцы вздумали бунтовать, добиваясь для себя очередных привилегий.

15 мая на том же крыльце, где Петр был провозглашен царем, теперь он стоял перед другой толпой, сбросившей его приверженцев Матвеева и Долгорукого и других бояр на стрелецкие копья. Стрельцы находили своих жертв в кремлевских покоях, вытаскивали их на Красное крыльцо и сбрасывали в толпу, ошестинившуюся копьями. «Любо ли?» – спрашивали. «Любо! Любо!» – кричал в ответ народ. Вероятно, впечатление было сильное, и отсюда ведут начало и известная нервность Петра, и его ненависть к стрельцам.

Через неделю после начала бунта (23 мая) победители потребовали от правительства, чтобы царями были назначены оба брата. Еще неделю спустя по новому требованию стрельцов за молодостью царей правление (регентство) вручено было их старшей сестре – царевне Софье. Она самовольно, не считаясь с малолетними царями Иваном и Петром, правила страной в течение семи лет.

Партия Петра Алексеевича была отстранена от всякого участия в государственных делах. Наталья Кирилловна с сыном приезжала в Москву лишь на несколько зимних месяцев, проводя остальное время в подмосковном селе Преображенском; по словам князя Б. И. Куракина, «жила тем, что давано было от рук царевны Софьи».

Царь Петр Алексеевич Романов (1672-1725)

Кремлевский дворец оставался царской резиденцией. Его занимали царевна Софья Алексеевна и царь Иван Алексеевич. В Кремле действовало правительство, оттуда производились назначения, там устраивались дипломатические церемонии.

Около двора Петра Алексеевича группировалась значительная часть знатных фамилий, не решавшихся связать свою судьбу с временным правительством Софьи. Предоставленный самому себе, Петр отучился переносить какие-либо стеснения, отказывать себе в исполнении какого бы то ни было желания. Царица Наталья, женщина «ума малого», по выражению ее родственника князя Куракина, заботилась, по-видимому, исключительно о физической стороне воспитания своего сына. С самого начала он был окружен «молодыми ребятами, народу простого» и «молодыми людьми первых домов». Первые, в конце концов, взяли верх, а «знатные персоны» были отдалены.

В 1683–1685 годах из приятелей и добровольцев организуются два полка, поселенные в селах Преображенском и соседнем Семеновском. Мало-помалу в Петре развивается интерес к технической стороне военного дела, заставивший его искать новых учителей и новых познаний. «Для математики, фортификации, токарного мастерства и огней артифициальных» появляется иностранец Франц Тиммерман. Сохранившиеся учебные тетради Петра свидетельствуют о настойчивых его усилиях усвоить прикладную сторону арифметической, астрономической и артиллерийской премудрости. Те же тетради показывают, что основания всей этой премудрости так и остались для мальчика тайной. Зато токарное искусство и пиротехника всегда были его любимыми занятиями.

Единственным крупным и неудачным вмешательством матери в личную жизнь юноши была женитьба его на Е. Ф. Лопухиной 27 января 1689 года, раньше достижения Петром совершеннолетия. Это была, впрочем, скорее политическая, чем педагогическая мера, – Софья женила царя Ивана тотчас по достижении им 17 лет; но у него рождались только дочери.

Сам выбор невесты для Петра Алексеевича был продуктом придворной борьбы. Знатные приверженцы его матери предлагали невесту княжеского рода, но победили Нарышкины со Стрешневым во главе, и выбрана была дочь мелкопоместного дворянина. Вслед за ней потянулись ко двору многочисленные родственники – новые искатели мест, не знавших притом «обращения дворцового», что вызвало против Лопухиных общее раздражение при дворе.

Царица Наталья вскоре «невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви». Этим, так же как и несходством характеров, объясняется, что «изрядная любовь» Петра к жене «продолжилась разве токмо год», а затем он стал предпочитать жизнь в полковой избе Преображенского полка. Новое занятие – судостроение – отвлекло его еще дальше от супруги; с Язуы он переселился со своими кораблями на Переяславское озеро и весело проводил там время даже зимой. Он производит смотры и учения своим потешным полкам, предпринимает военные походы, испытывает новые пушки, сам строит на Язуе речную яхту, выписывает из-за границы и читает книги по артиллерии.

Участие Петра в государственных делах ограничивалось во время регентства Софьи присутствием при торжественных церемониях. По мере того, как юноша подрастал и расширял свои военные забавы, Софья начинала все более тревожиться за свою власть и стала принимать меры для ее сохранения.

В январе 1689 года Петру исполнилось 16 лет, и Софья должна была сложить свои полномочия. Но самолюбивая царевна не собиралась этого делать. Она демонстративно подчеркивала свою власть, ее стали называть самодержицей и воздавать ей царские почести. Это вызвало тревогу у сторонников Ивана и Петра. Вся надежда царевны Софьи была на стрельцов, которых она готовила к выступлению в свою защиту и к отрешению от власти своих меньших братьев.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Софья в Кремле ожидала нападения «потешных войск» из Преображенского. Петр же, прознав, что фаворит сестры, глава Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитый приказал стрельцам напасть на Преображенское, спешно ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Вскоре туда к нему приехали многие бояре, дворяне и патриарх Иоаким. Двинулись в Троицу на поклон к законному царю также стрелецкие и солдатские

полки. Софья осталась в Кремле без реальной вооруженной силы, лишь с немногими своими приверженцами.

Молодой Петр одержал победу над сестрой, ее фавориты были казнены или отправлены в ссылку, а сама Софья заточена в келье Новодевичьего монастыря.

Власть перешла к сторонникам Петра I. Царь Иван вплоть до своей смерти в 1696 году лишь формально делил престол с братом, появляясь перед народом при торжественных церемониях.

На первых порах, однако, «царское величество оставил свое правление матери своей, а сам препровождал время свое в забавах экзерциций военных». Правление царицы Натальи представлялось современникам эпохой реакции против реформаторских стремлений Софьи.

Сам же Петр до 24 лет продолжал жить преимущественно в подмосковном селе Преображенском, занимаясь военными маневрами с солдатами и офицерами Преображенского и Семёновского полков. Он редко появлялся в Московском Кремле, зато посетил Переславль-Залесский, Воронеж, дважды Архангельск и другие города.

Военные потехи Петра все ширятся, они послужили началом формирования новой армии и будущего флота. Например, маневры в 1694 году в течение трех недель около подмосковного села Кожухова на берегу Москвы-реки, в которых участвовало до 30 тысяч человек, велись по плану, разработанному шотландским военным инженером Петром (Патриком) Гордоном. Эта военная игра стала предвестником Азовских походов 1695 и 1696 годов.

В эти годы центром разгульной жизни Петра становится дом нового его любимца Лефорта в Немецкой слободе. «Тут началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать». В доме Лефорта Петр «начал с домами иноземскими обходиться и амур начал первый быть к одной дочери купеческой¹».

На балах Лефорта Петр «научился танцевать по-польски», сын датского комиссара Бутенант учил его фехтованию и верховой езде, голландец Виниус – практике голландского языка и голландского костюма. Параллельно с этим усвоением европейской внешности шло быстрое разрушение старого придворного этикета; выходили из употребления торжественные выходы в соборную церковь, публичные аудиенции и другие церемонии.

В 1694 году умерла Наталья Кирилловна. Хотя теперь сын «сам понужден был вступить в управление, однако ж труда того не хотел понести и оставил все своего государства правление министрам своим». Правительственная машина продолжает идти своим ходом. Царь вмешивается в этот ход лишь тогда и постольку, когда и поскольку это оказывается необходимым для его военно-морских забав.

Самостоятельное правление молодого царя началось двумя тяжелыми войнами – с Турцией за берега Азовского моря и со Швецией – за берега Балтийского моря. Эти войны показали необходимость скорейшего формирования регулярной, хорошо вооруженной и выученной армии и создания флота. В Москве формировались и обучались первые полки для этих военных походов.

Первый поход на Азов в 1695 году закончился неудачей.

29 января 1695 года умер царь Иван V. В следующем месяце царь Петр I отбыл из Москвы на верфь в Воронеж, где шло строительство стругов и галер.

Второй поход начался весной 1696 года и закончился в июле взятием турецкой крепости Азов. Москва 30 сентября 1696 года торжественно встречала возвращавшиеся с войны войска. К этому событию около Каменного моста (позже – Большой каменный мост) были построены триумфальные ворота, украшенные колоннами, надписями и аллегорическими фигурами.

¹ Анна Монс.

Петр шумно празднует победу, но хорошо чувствует незначительность успеха и недостаточность сил для продолжения борьбы. Он предлагает боярам схватить «фортуну за власы» и изыскать средства для постройки флота, чтобы продолжать войну с «неверными» на море.

Для организации военного союза против Турции Петр в начале марта 1697 года выехал с посольством в Западную Европу. Впервые русский государь выезжал за пределы своего государства.

Первые заграничные впечатления Петра были, по его выражению, «мало приятны»: рижский комендант Дальберг слишком буквально понял инкогнито царя и не позволил ему осмотреть укрепления. пышная встреча в Митаве и дружественный прием в Кенигсберге поправили дело.

Из Кольберга Петр поехал морем на Любек и Гамбург, стремясь скорее достигнуть своей цели – второстепенной голландской верфи в Саардаме, рекомендованной ему одним из московских знакомцев. Здесь он пробыл восемь дней, удивляя население маленького городка своим экстравагантным поведением. Посольство прибыло в Амстердам в середине августа и осталось там до середины мая 1698 года, хотя переговоры были окончены уже в ноябре 1697 года. В январе 1698 года Петр поехал в Англию для расширения своих морских познаний и оставался там три с половиной месяца, работая преимущественно на верфи в Дептфорде.

Главная цель посольства не была достигнута, так как Европа решительно отказалась помогать России в войне с Турцией. Зато русский царь употребил время пребывания в Голландии и в Англии для приобретения новых знаний, а посольство занималось закупками оружия и всевозможных корабельных припасов, наймом моряков, ремесленников и т. п.

В его отсутствие опять началось брожение среди стрельцов, тайно сносившихся с царевной Софьей, некоторые из полков, квартировавших в провинциальных городах, двинулись на Москву – побить бояр и иностранцев и посадить на царский престол вместо пропавшего в Европе Петра царевну Софью. Под Воскресенским монастырем у реки Истры мятежники были разбиты правительственными войсками под предводительством боярина А. С. Шеина и генерала П. Гордона.

Узнав о бунтовщиках, Петр спешно вернулся в Москву 25 августа 1698 года и подверг стрельцов новым пыткам и казням, после чего стрелецкие слободы в Москве были навсегда ликвидированы. Несколько стрельцов было повешено под окнами кельи царевны Софьи в Новодевичьем монастыре.

Петр заставил постричься Софью и ее сестру Марфу в монахини. Этим же моментом он воспользовался, чтобы насильственно постричь и свою жену.

После подавления заговора Цыклера 1697 года и стрелецкого восстания 1698 года боярская оппозиция притихла. Продолжал раздаваться лишь негодующий голос высшего духовенства в связи с наступлением светской власти на огромные церковные владения землей и крестьянами. Но со смертью в 1700 году патриарха Адриана первого иерарха Русской Православной Церкви больше не избирали, и постепенно управление церковными делами и имуществом стало переходить в руки государства.

Петр много времени проводил в Немецкой слободе у своего друга Франца Лефорта. Он скончался 12 марта 1699 года на сорок шестом году жизни и сохранил веселость и присутствие духа до конца жизни. Чувствуя приближение последней минуты, велел играть тихую мелодию и читать вслух оду Горация к Делию, где беспечный поэт и философ, вспоминая смерть, говорит шутя:

Пусть смерть зайдет к нам ненароком,
Как добрый, но неожиданный друг.

Торжественные похороны первого русского адмирала состоялись в Москве 21 марта. На них присутствовали в траурных одеждах царь, иностранные послы, бояре и войска. Печальная музыка во время шествия, пушечная пальба при опускании гроба в могилу изумили москвичей. Петр I рыдал неутешно. Но многие бояре не могли скрыть своей радости, видя царского любимца мертвым.

Лефорт был похоронен в Немецкой слободе, на кладбище лютеранской церкви. На его могилу по повелению Петра I положили мраморную плиту со словами: «На опасной высоте счастья стоял непоколебим, был Зопир в отечестве и Цинеас вне его, покровитель наук, Меценат ученых, друг своего Государя, любимый им, как Эфестион Александром. Все, чему он научил Россию своею жизнью, трудом и мужеством, будет незабвенно. Остерегись, прохожий, не попирай ногами сего камня: он омочен слезами Великого Монарха!»

Петр I в келье царевны Софьи

Петр I вернулся из Европы в иноземном платье и вскоре принялся вводить новшества в старозаветный быт москвичей. Лишь крестьяне и духовенство избегли этой участи. Историк первых десятилетий XIX века А. Ф. Малиновский отмечал: «Брить бороды и носить европейское платье государь Петр I повелел при наступлении XVIII века, 1700 [года] января 4-го. Через двенадцать дней появились на всех городских воротах развешенные для образца кафтаны, и жители московские, исполняя волю царскую, чрез одни сутки преобразились. Скоро дошло дело и до женских нарядов; московские щеголихи должны были расстаться со старинными

русскими нарядами и носить по образцам чепцы, кунтуши, бостроги, юбки немецкого покроя и черевики. Кто не успел или не хотел сделать себе иностранного платья или выбрить бороды, тех останавливали на улицах и брали денежную пеню, с пеших по 40 копеек, а с экипажных по 2 рубля. Фельдшеры, портные и сапожники богатели, а пристрастные к старине горевали. Кому жаль было расстаться с бородою и усами своими, на таких упрямщиков наложена была ежегодная в казну подать: первостатейные купцы платили за право оставаться бородатыми сто рублей, приказные и служащие шестьдесят рублей, прочие ж все состояния по тридцати рублей. Для свободного им везде пропуска давалась медная монета величиною в грош с изображенною на одной стороне бородою и с подписью на обороте: «Деньги взяты». При Екатерине I сей знак переменен».

В Москве появляются новые лавки для продажи иноземного платья. Была открыта также продажа еще недавно запрещенного табака.

В 1699 году был образован союз России с Польшей, Саксонией и Данией против Швеции. Константинопольский договор России с Турцией о 30-летнем перемирии от 3 июля 1700 года позволил России 19 августа того же года объявить войну Швеции. Началась Северная война. Началась она неудачно, под Нарвой 19 ноября 1700 года русские войска разбил шведский король Карл XII. Но через год удалось нанести поражение шведам близ Дерпта, а 11 октября 1702 года взять шведскую крепость Нотебург (Орешек, впоследствии Шлиссельбург).

В 1707 году появились известия, что Карл XII собирается напасть на Москву, и Петр I приказал укрепить Кремль и Китай-город земляными бастионами. Увидев начавшееся строительство оборонительных сооружений, москвичи встревожились. Петр прислал успокаивающую депешу с театра военных действий: «Известно нам здесь учинилось, что у вас на Москве немалый страх произошел, оттого что стали крепить Московские города; и то нам зело дивно и смеху достойно, что мы час от часу от Москвы далее, а вы в страх приходите». Он посоветовал москвичам избавиться от страхов, веселиться по-прежнему и его не забывать.

Перед бастионами выкопали ров, куда пустили речку Неглинную, а перед Китайгородской стеной уничтожили все строения.

Главной победой России в Северной войне стал Полтавский бой, в котором 27 июня 1709 года шведская армия была разгромлена. Тотчас после Полтавской победы поднялся престиж России и русского царя за границей.

От гонца, посланного с поля битвы, Москва 1 июля 1709 года узнала о разгроме шведов под Полтавой. А через полгода и сам Петр I прибыл в первопрестольный град, чтобы торжественно отметить Полтавскую победу.

Северная война была закончена Ништадтским мирным договором от 30 августа 1721 года. К России были присоединены Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия (Ижорские земли), часть Карелии с Выборгом и часть Южной Финляндии. Через два месяца Петр I принял титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого».

Другой исторической вехой деяний Петра I является основание в 1703 году Санкт-Петербурга. Царь теперь редко бывал в Москве, поглощенный войнами и строительством будущей столицы.

В 1712 году город на Неве был провозглашен столицей Российского государства, и главные правительственные учреждения стали переезжать из Москвы в Петербург. Московский Кремль, жизнь которого определялась пребыванием в нем царя, постепенно пустел.

Но правительство продолжало считаться с политическим положением Москвы. В последние годы жизни императора Петра I здесь проходили торжественные празднования Ништадтского мира (с 28 января по 4 февраля 1722 года) и коронавание Екатерины (1724 год).

С перенесением главной столицы в Санкт-Петербург и учреждением в 1708 году губерний Москвой стали управлять царские наместники, которые напрямую подчинялись императору и никому более.

В 1716–1717 годах Петр I предпринял вторую поездку в Западную Европу, где пробыл более полутора лет. Больше всего времени он пробыл во Франции, где была достигнута цель его визита: шведский король лишился субсидий из Парижа и вынужден был начать переговоры о мире с Россией. Петр I возвратился в Санкт-Петербург в октябре 1717 года и, дождавшись зимнего пути, направился в Москву, где не был почти восемь лет, – решать судьбу сына Алексея...

Последняя попытка отстранения Петра I от власти была предпринята московским боярством и духовенством в 1717 году. Заговорщики, мечтавшие о возвращении от петровских реформ к любезной им старой жизни, привлекли на свою сторону наследника престола – царевича Алексея. Но их замыслы были раскрыты.

В Москве над Алексеем началось следствие, но его оставили на свободе. Потом он был направлен в Санкт-Петербург, где 14 июня 1718 года его арестовали, подвергнули пыткам, и через два дня после вынесения смертного приговора, 26 июня 1718 года, он скончался при невыясненных обстоятельствах. Радетели старины, желавшие провозгласить его царем, были казнены, а их головы на столбах были выставлены на одной из московских площадей.

В 1721 году на постоянное жительство в Россию приехал грузинский царь Вахтанг IV Леонович с царевичами Бакаром и Георгием и с большой свитой из князей, дворян и слуг. Петр I отвел ему для проживания в Москве сначала Рязанское подворье на Мясницкой улице, а в 1724 году – дворцовое село Воскресенское на речке Пресне. Эта местность вскоре получила название Грузины, и по ней ныне проходят Малая и Большая Грузинские улицы.

В конце января 1722 года после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира император Петр I прибыл в Москву и еще более торжественно, чем после Полтавской победы, отпраздновал здесь успехи своего правления. Устраивались балы, маскарады и потешная прогулка по Москве флота, когда по улицам возили поставленные на колеса суда с поднятыми парусами.

В период петровских реформ, когда в русском обществе проходила *европеизация* бытового уклада, совершалась секуляризация общественного сознания, правительство стремилось поставить монастыри исключительно на службу государства, рассматривая с утилитарной точки зрения духовно-нравственный и экономический потенциал православных русских обитателей. Подобная тенденция приводила к ограничительным мерам, предпринимавшимся государством по отношению к монастырям и монашествующим. Решено было принимать в монастыри лишь на «убылые места», мужчин постригать не ранее тридцати лет, а женщин – не моложе пятидесяти пяти лет. Эти новшества едва ли могли благотворно сказаться на жизни православных обитателей. Полицейские меры в отношении монастырей вызывали протесты в монашеской среде, стали появляться сочиненные монахами антигосударственные письма и полемические сочинения. В ответ на это Петр I издавал указы, запрещающие монахам держать чернила и бумагу по кельям.

Среди многочисленных реформ Петра следует выделить следующие.

Указ 22 ноября 1696 года об отправке за границу для обучения дворянской молодежи.

Введение в России 4 марта 1698 года гербовой бумаги.

Реформа 30 января 1699 года городского самоуправления.

Указ 27 октября 1699 года о создании купцами «кумпанств» для торговли с заграницей.

Указы от 19 и 20 декабря 1699 года о введении нового календаря, Новый год стал отсчитываться с 1 января, а не 1 сентября, а исчисление лет – от Рождества Христова, а не от Сотворения мира.

Указ 4 января 1700 года о введении европейского платья для всего населения, кроме духовенства и крестьян.

Открытие 14 января 1701 года Школы математических и навигационных наук в Москве, в Сухаревой башне.

Указ 22 января 1701 года о постройке кораблей для создания Балтийского флота.

Указ 18 декабря 1708 года об учреждении первых восьми губерний.

Реформа в 1708–1710 годах алфавита, введение гражданского шрифта.

Указ 22 февраля 1711 года об учреждении Правительствующего Сената.

Указ 20 января 1714 года об обязательном обучении дворянских детей арифметике.

Указ 28 февраля 1714 года об открытии «цифирных школ» при архиерейских домах и в монастырях для обязательного и бесплатного обучения детей приказного чина, дьяков и подьячих.

Судебная реформа, указ 8 января 1719 года об учреждении надворных и нижних судов.

Указ 18 января 1721 года о разрешении заводчикам из купцов покупать деревни с крепостными крестьянами для работы на фабриках.

Указ 13 января 1722 года о введении подушной подати.

Введение 24 января 1722 года «Табели о рангах».

Манифест 17 апреля 1722 года, утвердивший Сенат как высший управляющий орган.

Указ 7 января 1724 года о запрещении браков по принуждению.

Указ 28 января 1724 года об учреждении Петербургской Академии наук.

На русское общество реформы Петра, решительные и широкие, после осторожной и медлительной политики его предшественников произвели страшное впечатление. В обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в Петре Великом. Близорукые знатные люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противопоставляли обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно рушил их старину. За частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового. Общественная мысль еще не возвышалась до сознания основных начал русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдельные факты. Вот почему современникам Петра, присутствовавшим при бесчисленных нововведениях, и крупных и мелких, казалось, что Петр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставил камня на камне от старого порядка. Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение.

Такому впечатлению современников содействовал и сам Петр. Его поведение, вся его манера действовать показывали, что он не просто видоизменяет старые порядки, но питает к ним страстную вражду и борется с ними ожесточенно. Он не улучшал старину, а гнал ее и принудительно заменял новыми порядками. Это беспокойное отношение к своему делу, боевой характер деятельности, ненужные жестокости, принудительность и строгость мероприятий – все это явилось у Петра, как результат впечатлений его детства и молодости. Выросший среди борьбы и вражды, видевший и открытые бунты, и тайную оппозицию, Петр вступил на путь реформ далеко не со спокойным духом.

Он ненавидел ту среду, которая отравляла его детство, и те темные стороны старой жизни, которые сделали возможной ту прежнюю жизнь. Поэтому, уничтожая и видоизменяя старые порядки, он в свою деятельность монарха вносил личные чувства пострадавшего человека. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность при начале правления, Петр сохранил боевые приемы навсегда. Встреченный открытой враждой сначала, чувствуя и позже скрытое противодействие себе в обществе, он все время боролся за то, во что верил и что считал полезным. В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформам черты резкого, насильственного переворота. Однако по существу своему эти реформы не были переворотом, а лишь продолжением развития государства.

В основанном им Санкт-Петербурге император Петр Великий скончался 28 января 1725 года на 53-м году жизни, не оставив преемника и завещания. Его похоронили в Петропавловском соборе.

Городское управление

Управление Москвы в конце XVII века, как и прежде, состояло из множества центральных учреждений, созданных по функциональному назначению – Посольский, Поместный, Земской, Иноземный, Рязрядный, Стрелецкий, Пушкарский, Аптекарский приказы. Другие приказы отвечали за управление отдельными территориями – Казанский, Сибирский, Малороссийский... Их функции не были точно разграничены, что приводило к путанице и волоките.

После проведения городской реформы 1699 года в Москве была создана Бурмистерская палата, или Ратуша, во главе с бурмистром. Она не только управляла финансовой и судебной системами Москвы, но и собирала налоги со всех российских городов. Данная система оказалась малоэффективной, часто дублировала другие организации и просуществовала лишь до 1710 года.

По указу 1709 года было введено новое административное управление – восемь губерний во главе с губернаторами. Москва возглавила огромную губернию, к которой принадлежали Владимир, Калуга, Коломна, Можайск и еще 35 окрестных городов (в 1719 году по новой реформе часть власти перешла от Москвы местным воеводам).

Прогулка посла по двору Посольского дома в XVII веке

Иностранные посланники в Посольском приказе

Во главе Московской губернии ставились близкие к Петру I люди. Первым московским губернатором был боярин Т. Н. Стрешнев – воспитатель молодого царя, возглавлявший Разрядный, а затем Военный приказ. Стрешнев пользовался особым доверием царя: отправляясь за границу, именно ему вместе с Ф. Ю. Ромодановским он поручил управлять государством.

В 1711 году Стрешнев был назначен сенатором, и вместо него некоторое время Московской губернией управлял вице-губернатор В. С. Ершов. В январе 1712 года московским губернатором был назначен князь М. Г. Ромодановский – неперенный участник всех придворных торжеств. Следующим губернатором ненадолго стал боярин А. П. Салтыков. За злоупотребления он был отрешен от должности, и с января 1716 года губернатором стал родственник царя К. А. Нарышкин, тоже вскоре провинившийся в лихоимстве. Весной 1719 года главным начальником Москвы был назначен князь И. Ф. Ромодановский, который оставался на этом посту до 1724 года. Последним московским губернатором петровского времени был А. А. Матвеев – известный дипломат и государственный деятель.

Царский двор уже в 1710 году временно пребывал в Петербурге. Обосновался же он в новом городе на постоянное жительство в 1712 году, когда Петербург был объявлен столицей государства. С этого времени потянулись в Северную столицу из Москвы на постоянное жительство представители иностранных государств. Центральное правительственное учреждение – Сенат – утвердилось в Петербурге с конца 1713 года.

В Москве был оставлен один из сенаторов, а с 1714 года здесь находилась Канцелярия сенатского правления.

В 1720 году в Москве был учрежден городской магистрат – коллегия из постоянных членов, избираемых пожизненно. Ему не были подведомственны дворянство, духовенство и иностранцы, он занимался делами остальных московских жителей – «регулярных» и «подлых». Регулярные граждане принадлежали к двум гильдиям. В первую входили богатые купцы и фабриканты, врачи, аптекари, художники и архитекторы; во вторую – мелкие торговцы и ремесленники. «Подлыми людьми» считались «обретающиеся в наймах, на черных работах и тем

подобные». От каждой гильдии регулярных граждан выбирались старшины и старосты – советники в магистрате; старосты и десятники «подлого люда» могли лишь сообщать в магистрат о нуждах их подопечных.

Магистрат наблюдал за раскладкой и сбором государственных податей и отбыванием повинностей, работой полиции, мог «заводить хотя бы малые школы, сиротские дома, госпитали и стараться о размножении мануфактур и рукоделий, особенно таких, каких прежде не бывало».

Московский магистрат просуществовал до 1727 года, когда был преобразован в ратушу.

В Москве, как во второй столице, постепенно создавалась как бы копия центрального правительственного аппарата. В ней находились конторы петербургских коллегий, причем по объему работы эти конторы не уступали коллегиям.

Являясь главным экономическим центром страны, Москва притягивала к себе правительственные органы, ведавшие государственным хозяйством – Мануфактур-коллегию, Коммерц-коллегию, Вотчинную коллегию, Юстиц-коллегию...

Большая часть административных преобразований Петра I разрабатывалась и осуществлялась в Москве. После переезда правительства в Петербург, Москва считалась второй столицей России. Правительство вынуждено было учредить в ней отделения Сената и центральных учреждений. Кроме того, здесь оставались целиком центральные органы финансового и судебного управления. Правительство также вынуждено было поручить московским учреждениям выполнение части общегосударственных мероприятий.

Охрана порядка

Охранение порядка среди крикливой и озорной толпы, наполнявшей московские торговые площади, было нелегким делом, рядовые старосты и объезжие головы, пытаясь унять особенно горластых и задиристых, получали в ответ лишь еще пушую брань и угрозу побоища. Благочиние нельзя было водворить даже среди безместных попов, собиравшихся в ожидании найма для богослужений у храма Василия Блаженного и на Спасском (Фроловском) мосту. Патриарший тиун жаловался в своем донесении, что «безместные попы и дьяконы садятся у Фроловского моста и бесчинства чинят великие, меж собой бранятся и укоризны чинят скаредные и смехотворные, а иные меж собой играют и борются, и в кулачки бьются».

Поэтому охраняли в Москве, главным образом, один Кремль, который с наступлением темноты запирался. Чтобы часовые не спали, они должны были выкрикивать нараспев каждый по своей фразе, один за другим: «Пресвятая Богородица, спаси нас!», «Все святые, молитесь Бога о нас!», «Славен город Москва!», «Славен город Тверь!» и так далее, пока очередь не доходила опять до первого часового, и все повторялось сначала.

В Москве была создана полиция – специальная служба, которая должна была обеспечить порядок в городе и заботиться о его внешнем виде. Ее возглавлял сначала по совместительству обер-комендант Московского военного гарнизона, а с 1722 года обер-полицмейстер. Ему подчинялся большой аппарат. В слободах избирались старосты, ведавшие отдельными улицами, и десятские, отвечавшие за каждые десять домов своей улицы. Ответственным за слободу являлся прикрепленный к ней офицер. Предписывалось в конце улиц иметь подъемные рогатки, которые запирались на ночь, и при них караул из местных обывателей. Домовладельцы обязаны были доносить полиции о вновь прибывающих людях.

Московский обер-полицмейстер был независим от московского губернатора и подчинялся петербургскому генерал-полицмейстеру. Петр I расширил права и обязанности полиции, попытавшись сделать из нее законную очеловеченную, а не бездушную исполнительную власть. Он писал: «Полиция... споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных; непо-

рядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет и приносит довольствие во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные прегрешения, призывает нищих, бедных, больных, увечных и проч. неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и чистых науках. Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

Можно подумать, что сии слова писал не царь-плотник, у которого слова не расходились с делом, а философ, далекий от реальной жизни. Зачитай этот меморандум ныне сотрудникам полиции, они тебя на смех поднимут.

Но, оказывается, в Петровскую эпоху, да и позже, пытались из московской полиции сделать «душу гражданства и всех добрых порядков». Ей предписывалось наблюдать за строением домов как в Кремле, так и за его пределами; следить, чтобы печи клали с фундаментом, а трубы делались широкими и только опытными печниками; запрещать строить «черные избы» – без труб, где дым выходил через дыру в крыше; требовать мощения улиц и переулков камнями и починки мостовых местными обывателями; доглядывать, чтобы помету и мертвечины на улицах не бросали, а также не засаривали Язу с Неглинной. Среди других бесчисленных обязанностей, которые говорят не только об обязанностях полиции, но и о проблемах московского быта, можно отметить: «В тесных улицах лавок, шалашей и полков не ставить», «Харчевникам иметь кафтаны, завески и покрывалы на полках белые», «Весы и меры иметь указные и цены на хлеб не возвышать», «Всякие подозрительные дома, похабства и запрещенные игры искоренять», «Бродящих нищих ловить и отсылать на каторгу», «В праздниках в рядах не сидеть и никакими товарами не торговать, кроме харчевных», «На дворах и по улицам ни из какого ружья днем и ночью не стрелять», «Бегаться на резвых лошадях в поле, а не в городе», «Чужестранных послов, посланников и министров, и людей их не заирать, а требовать из коллегии иностранных дел».

Москва также располагала собственным органом политического сыска – Преображенским приказом, созданным в 1702 году и упраздненным в 1729 году. Здесь Петр I и его сподвижники пытались своих политических врагов, а запечные мастера рангом пониже – уголовных преступников. Кроме традиционных орудий пыток: кнут, дыба, огонь, Петр I позаимствовал также от шведов вешание за ребра и колесование.

Экономика

В Петровскую эпоху Москва становится центром развивающейся промышленности. На Урале строились доменные и молотовые заводы, Тула и молодой Петербург превращались в военные мастерские, а Москва нашла свое своеобразие, став городом легкой промышленности. На месте старинного Пушечного двора поставили Суконный двор, где работало свыше тысячи человек, на берегах Яузы и в Хамовниках возникли крупные полотняные мануфактуры, в каждой из которых было по сотне работников. На окраинах города в своих домах трудились многочисленные ремесленники – ткачи, крашеники, сапожники, медники, портные...

Гостиный двор на Ильинке и торговые ряды Китай-города были сосредоточием не только московской, но и всероссийской торговли. Завоевание Россией балтийских морских портов и основание Санкт-Петербурга усилили значение Москвы в расширявшейся торговле с европейскими государствами. Предметами торговли являлись сельскохозяйственные товары, промышленное сырье, изделия ремесленников и мануфактур. Сырье для мануфактур и хлеб для горожан шли с юга и юго-запада, с Урала поступало железо, с Севера и из Сибири – пушнина. Промышленные изделия расходились отсюда по всей стране и вывозились за ее рубежи.

Москва в начале XVIII века, несмотря на перенесения столицы государства в Петербург, сохраняла еще значение политического и административного центра России.

Промышленность

Изделия московских промышленников проникали на далекие окраины обширного Русского государства, откуда шел встречный поток местных товаров, достигая Москвы.

К концу царствования Петра I количество профессионалов-ремесленников, записавшихся в учрежденные цеха, достигло в Москве 6885 человек. Фактически же людей, занимавшихся в городе ремеслом, было гораздо больше. Среди них выделились мастера золотых и серебряных дел, специалисты по выделке всевозможных бытовых изделий и украшений из драгоценных металлов. Из скорняков на первом месте особо стояли шубники, овчинники, красильщики бобров. Кожевники делились на мастеров хомутного, плётного, шлейного дела.

Совершенствовались старые ремесла, появлялись новые. Наряду с оружейниками возникли шпажисты и эфесочники, кроме шапочников – шляпники. Стали потребны мастера пудреного, каретного, муфточного, парикмахерского дела.

Пополнение состава ремесленников непрерывно происходило за счет приезжавших «разных чинов людей», и больше всего – крестьян. Они жили «в скудости», что выражалось, в первую очередь, в жилищных условиях. Привилегированные мастера имели свои дворы, основная же масса ремесленников жила «из найма», снимая, смотря по своему достатку, избу, горницу или угол.

Скудость средств часто заставляла ремесленника не покупать нужное сырье, а брать его в долг «до спуска» изделий.

В практике мелких производителей наблюдалась двоякая организация работы и сбыта. Первая, старинная, – изделие готовилось на известного заказчика. Вторая, новая и более сложная, – ремесленник сбывал продукцию на вольном рынке самостоятельно или через посредника-купца.

Продавцами своих изделий особенно часто являлись серебряники, стоявшие по достатку на первом месте среди товаропроизводителей. Некоторые из них являлись одновременно торговцами Серебряного торгового ряда. Но чаще мелкие производители сбывали свой товар через посредников, скупавших готовые изделия.

Мелкая промышленность в конце XVII – первой четверти XVIII века заметно расширяется и становится разнообразнее.

Внимание к мелкому производству отчетливо выразилось в уставе Главного магистрата: «Купечество и мануфактуры размножать... наряду необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебряники и им подобные».

Правительство принимало меры к усовершенствованию приемов и техники мелкого производства. Так, в 1716 году в Москве было организовано обучение кожевников обработке кож не дегтем, а ворванью...

Осмотр белой вороны в Преображенском приказе

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке

В XVII веке наиболее крупными московскими мануфактурами были Пушечный двор на Неглинной, Оружейная палата с ее разнообразными мастерскими и с работавшими на дому мастерами, Кадашевский Хамовный двор, где было организовано производство полотна как на

дому, так и в мастерских. Кроме того, существовали сафьянный и стекольный заводы, бумажная мельница, шелковая и суконная мануфактуры. Эти предприятия постоянно расширялись.

Стали возникать и новые предприятия, в первую очередь для нужд армии и флота. В 1696–1697 годах в селе Преображенском на Яузе возник большой новый Хамовный двор, где было налажено производство парусного полотна. Здесь протекал весь процесс его изготовления, начиная с обработки сырья-пеньки и кончая окраской полотна.

В Преображенском вскоре появился также Канатный двор, где на выделку канатов шли отходы от производства парусины; была построена пильная мельница, «чем из бревен доски трут». В Москве возникли также Кожевенный, Суконный, Чулочный, Шляпный и Пуговичный дворы, связанные с нуждами военного ведомства. В 1705–1707 годах появилась бумажная фабрика в селе Богородском.

Спрос на оконное стекло, зеркала и посуду был очень велик. В 1705 году начали строить мануфактуру на Воробьевых горах в Москве – «амбар каменный длиной восемьдесят три фута, в вышину десять аршин, в нем плавильная печь сделана из кирпичу белой глины». Появились и другие заводы. Причем в России зеркальные стекла делали такой громадной величины, что это вызывало удивление во многих странах.

Петр I с семьей 11 декабря 1707 года посетил зеркальный завод на Воробьевых горах. После осмотра «зеркального литья и точения, и выточенных и выполерованных стекол и толчей, и всяких заводов, и припасов» он остался доволен виденным («и то все строение и дело изволили хвалить») и наградил мастеров, дав им по 10 рублей, а ученикам – по гривне.

На рубеже XVII–XVIII веков Москва продолжала еще сохранять первостепенное значение в деле снабжения армии огнестрельным оружием и порохом. В распоряжении Приказа артиллерии было свыше 200 мастеровых и работных людей, из которых две трети были заняты изготовлением тяжелых орудий (пушек, мортир, гаубиц) и треть – изготовлением пороха. В это же время в селе Семеновском под Москвой, во дворе, принадлежавшем Меншикову, было организовано производство артиллерийских орудий нового образца. Но все больше предприятий, работавших на армию, возводили в новой столице империи, и Москва уступала ей пальму первенства.

При Петре I Москва перестала быть единственным центром монетного дела. Оно было организовано также в Петербурге и Екатеринбурге. Однако московские денежные дворы – Кадашевский, Набережный и Красный – продолжали свою деятельность, хотя и сокращали производство. Красный двор, располагавшийся около Воскресенских ворот Китай-города (один из его корпусов сохранился доньше), с 1697 года чеканил серебряные проволочные копейки, а с 1704 года начал чеканку серебряных рублей, полтин и полуполтинников. Кадашевский двор в Замоскворечье стал работать в 1701 году с чеканки золотых червонцев и серебряных монет нового образца. Набережный двор, располагавшийся на территории Кремля рядом с Боровицкими воротами, с 1700 года чеканил медные монеты всех достоинств.

Казенное производство постепенно повелением императора переходило в другие города. Так, в связи с начавшимся строительством новых оружейных и пороховых заводов в Петербурге, Туле, Олонце московская военная промышленность к началу 1710-х годов полностью свертывается, мастера Пушечного двора и Оружейной палаты переезжают в другие города.

Петр I, покровительствуя развитию частной инициативы в промышленности и торговле, передал компаниям московских купцов казенные фабрики и заводы. Только фабрики, непосредственно обслуживавшие армию и флот, остались в руках правительства.

В 1712 году по приказу Петра I граф Апраксин устроил в Красном селе мельницу для выделки писчей бумаги.

В Москве началось строительство частных мануфактур, за 11 лет (1714–1725) в ней возникло 21 частное предприятие в разных отраслях промышленности. Среди них явно преобладали текстильные (полотняные, шелковые, шерстяные). Многие из них работали на

обеспечение армии. Москва становится крупнейшим центром текстильной мануфактурной промышленности России.

Москва почти полностью снабжала строящийся российский флот парусиной. Работал около Данилова монастыря с конца 1690-х годов до 1716 года и первый канатный завод, снабжавший Адмиралтейство добротными канатами, которые шли также на экспорт в морские державы Европы.

В связи с расширением каменного строительства начинают возникать также кирпичные заводы.

Торговля

Москва издавна являлась центром торговли, и даже перенесение главной столицы в Петербург не изменило ее господствующего положения на всероссийском рынке. В ней насчитывалось до 150 торговых рядов. И хотя сохранялись их названия от прошлых веков, но расширение торговли разрушало их специализацию, их замкнутый характер. Распродажа оптом привозных товаров шла, как и раньше, преимущественно на Гостином дворе. В Китай-городе производилась основная торговля, здесь стояло более двух тысяч лавок, скамей, столов, рундуков.

Красная площадь утратила прежнее торговое значение, в начале своего царствования Петр I издал указ о том, чтобы на ней «лавки и шалаши, и всякое лавочное строение сломать... и никакими товарами и съестным харчем не торговать».

Хлеб, муку и крупы продавали в Мучном и Житном рядах за Москвой-рекой – на Болоте и Балчуге, лесом торговали на Бабьем городке, торговые ряды имелись также за Арбатскими воротами, около Сретенских ворот.

Многие москвичи не ограничивались торговлей в пределах своего города, имея отъезжие торги в других российских городах и даже за пределами Российской державы.

Москва в первой четверти XVIII века представляла собой крупный хлебный рынок, куда привозили пшеницу и рожь с юга по Оке и гужом из ближайших черноземных мест.

Из других продовольственных товаров следует отметить привоз в зимнее время рыбы, как с севера, так и с юга, подвоз лука, чеснока и других продуктов огородничества из Ростова, Муром, Дмитрова и Вереи, меда – из Тамбова, Арзамаса, Алатыря, Касимова. Конопляное и льняное масло поступало из Калужского уезда и с Украины, оттуда же везли сало.

Из промышленных товаров в Москву поступало в большом количестве льняное крестьянское полотно, серое сермяжное сукно. Холсты шли из Вологды, Костромы, Калязина, сукно – из Кинешмы, Романова и с Украины. Железный товар поступал с крупных заводов Урала, из Новгорода – гвозди, топоры, сковородки, котлы. Деревянную посуду присылали из Белозерского и Костромского уездов.

В своей деятельности московское купечество было тесно связано с крупнейшими ярмарками того времени, и более всего с Макарьевской, располагавшейся у Макарьевского монастыря, в 70 километрах от Нижнего Новгорода вниз по Волге. Эта ярмарка открывалась каждый год 29 июня (по старому стилю).

Московские купцы торговали также в Сибири, ездили с караванами в Китай. В Китай везли меха, холст, сукно, обувь, а оттуда – золото и серебро в слитках, хлопчатобумажные ткани (китайки), шелк, чай, фарфоровую посуду.

Благодаря расширению торговых связей развивалась также внутренняя городская торговля, все более оживленная и разнообразная.

Доставка товаров в Москву из других земель шла, главным образом, речным путем. По нему доставлялось две трети хлеба, основная часть леса, железа, соли. Водная дорога по Москве-реке, Оке и Волге имела сезонный характер, около 80 % поступления грузов прихо-

дилось на апрель, когда реки были полноводными. В июне торговая навигация была уже практически невозможна из-за обмеления Оки.

Речная сеть служила средством торгового сообщения Москвы с центральными и южными хлебными землями, с городами Нижней Волги, в первую очередь Астраханью, – важными транзитными пунктами на торговом пути с Закавказьем, Персией, Китаем и Индией.

Множество сухопутных дорог, скрещивавшихся в Москве, связывало ее со всеми окраинами страны, создавала городу славу главного торгового центра России. Москва была не только крупнейшим потребительским рынком, но и важнейшим пунктом транзитной торговли. Отсюда отправлялись партии хлеба на север и северо-запад – в Псков, Новгород, Торжок, Ладогу, Петербург... Отсюда шел контроль за ярмарочной торговлей по всей стране. Сюда стекались капиталы провинциальных городов.

Об этом говорят и многочисленные русские пословицы:

- «Поезжай на Москву, там все найдешь».
- «В Москве только нет птичьего молока».
- «Москва у всей Руси под горой – в нее все катится».
- «Москва любит запасец».
- «Москва стоит на болоте, в ней ржи не молотят, а больше нашего едят».
- «Была бы догадка, а в Москве денег кадка».

Население

В начале XVIII века в Москве имелось не менее 20 тысяч жилых дворов (включая пригородные слободы). Считая в среднем по 5 человек на двор, жителей насчитывалось 100 тысяч человек. Однако в действительности городское население было более многочисленным из-за сезонного пришлого люда (в основном крестьян), тянувшегося сюда в поисках заработка, а весной возвращавшегося в свои деревни пахать землю.

Столичные жители делились на дворян (включая в них и исчезающее сословие бояр), духовенство, чиновников («приказных»), посадских людей (постепенно стали разделяться на купцов и мещан), военных, разночинцев (к ним относили иностранцев, ямщиков и некоторые категории городских служащих) и крестьян.

В 1710–1720 годах число горожан заметно уменьшилось. Непрерывные войны и рекрутские наборы, создание флота и строительство портовых городов, каналов и крепостей требовали множество рабочих рук. Холопы боярских и дворянских дворов добровольно и путем принудительного набора поступали в солдатские полки. От наборов в солдаты и драгуны пустели многие дворы в ямских слободах. Перенесение столицы в Петербург также сказалось на уменьшении числа жителей Москвы. За царским двором в новую столицу должны были следовать и знать, и рядовое дворянство со своей челядью.

На вечное житье в Петербург переводились работники казенных мануфактур и Оружейной палаты, гвардейские полки. По штату 1718 года сократилось также в Москве число церквей и их причтов, было запрещено зачислять в монастыри новых лиц.

Территории и застройка

К началу XVIII века сохранилось старинное деление Москвы крепостными стенами и земляным валом (нынешнее Садовое кольцо) на Кремль, Китай-город, Белый город и Земляной город. В составе последнего выделялись в особые части Заяузье (между Яузой и Москвой-рекой) и Замоскворечье (в петле Москвы-реки к югу от Кремля). За Земляным городом на 4 версты вокруг лежали городские «выгонные земли», уже значительно застроенные.

Официальной границы города еще не существовало, а таможенная граница проходила по Земляному валу до 1722 года, когда ее передвинули за пределы «выгонных земель».

Старинные дороги к Кремлю и Китай-городу постепенно превратились в радиальные улицы протяженностью 2–3 версты. За Земляным валом вдоль дорог радиальные улицы продолжались, а между ними были расположены слободы и села: Хамовная слобода – на юго-западе, Дорогомиловская-Ямская – на западе, Тверская-Ямская – на северо-западе, Мещанская и Переяславская-Ямская – на севере, Красное село – на северо-востоке, Немецкая слобода – на востоке, Рогожская-Ямская слобода – на юго-востоке, Коломенская-Ямская – на юге.

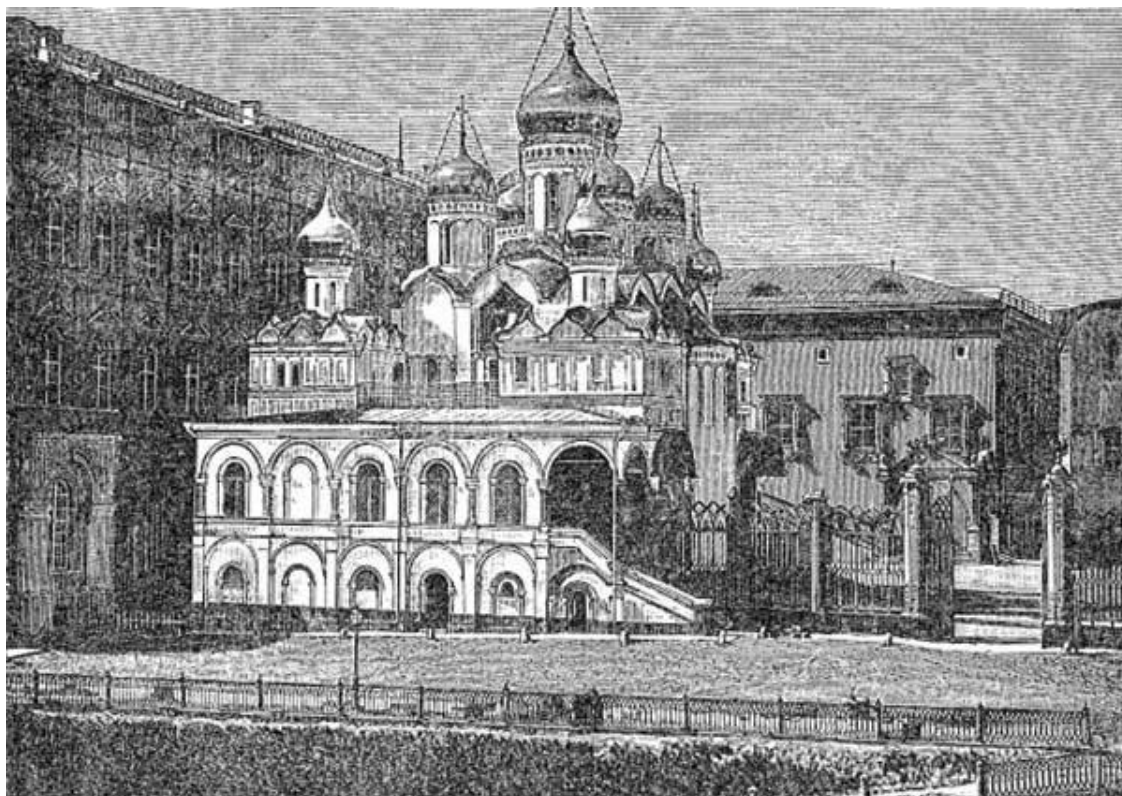
Ворота на главных улицах в стенах Белого города (ныне Бульварное кольцо) и на земляном валу являлись центрами, где сходились радиальные улицы. У Пречистенских ворот сходились Остоженка и Пречистенка, у Арбатских ворот – Арбат и Поварская, у Никитских ворот – Большая и Малая Никитские улицы...

Застройка Москвы к началу XVIII века была преимущественно деревянной. Только часть церквей и палаты знатных людей были каменными. Кремль отличался тем, что почти сплошь был застроен каменными зданиями. В нем помещались три десятка храмов, два монастыря, два царских дворца (каменный и деревянный), Патриарший двор и несколько домов знатных вельмож.

Красная площадь в начале царствования Петра была беспорядочно застроена мелочными лавками, палатками и шалашами. По указу Петра всякую торговлю на площади запретили, и все строения были снесены.

Московский Кремль в XVII веке

Благовещенский собор

Красная площадь в начале XVIII века была меньше современной. Вдоль кремлевских стен тянулся крепостной ров шириной в 17 сажень (36 метров), через который от Спасских и Никольских ворот были переброшены мосты. На противоположной стороне площади стояли торговые ряды – каменные лавки. С севера, на месте Исторического музея, с 1699 года находилось двухэтажное здание Главной аптеки. С юга, вдоль деревянной мостовой от Спасского моста к Ильинке располагались книжные и другие лавочки. Местность южнее собора Василия Блаженного была застроена до самой стены Китай-города.

Москворецкая улица оканчивалась Москворецкими воротами Китай-города, за которыми начинался деревянный «живой» (положенный на воду) мост через Москву-реку.

Набережные вдоль стен Кремля и Китай-города были непроезжими и служили свалками мусора.

Белый город пересекался рекой Неглинной, впадавшей в Москву-реку за Боровицкой башней Кремля. Через нее были переброшены Воскресенский (на Тверскую улицу) и Троицкий (в Кремль) мосты.

На месте Манежной площади располагалась стрелецкая слобода Стремянного полка, площади Революции – торговые ряды, между Троицкими и Боровицкими воротами – Аптекарский сад и дворы садовников, за Боровицким мостом – Лебяжий пруд и одноименный двор...

По улицам и переулкам Белого города тянулись деревянные заборы, окружившие каждый двор, палаты знатных и богатых владельцев стояли в глубине обширных дворов, окруженные конюшнями, амбарами и людскими избами.

Мясные лавки, находившиеся у ворот Белого города, по указу 1710 года были перенесены к воротам Земляного города.

Территория за стеной Белого города к началу XVIII века была уже значительно застроена лавками, кузницами и жилыми домами.

Земляной город был застроен, главным образом, стрелецкими, дворцовыми, конюшенными, ремесленными и черными (населенными простолюдинами) слободами. Они располагались возле больших радиальных улиц и отделялись друг от друга огородами и садами.

Стены Кремля, Китай-города, Белого города и земляной вал, потерявшие свое военное значение, постепенно разрушались.

Местность за Земляным городом к началу XVIII века была застроена лишь вдоль дорог. Между ними лежали обширные пространства – Девичье, Миусское, Каланчевское поля, занятые огородами, пашней и лугами. У самого же земляного вала находились загородные дворы знати. Среди рощ и лугов стояли также знаменитые московские монастыри – Андроньев, Симоннов, Данилов, Донской и Новодевичий.

Москва часто страдала от пожаров, и в целях создания огнестойких каменных преград указом от 28 января 1704 года предписано было строить в Кремле и Китай-городе только каменные здания и располагать их вдоль улиц и переулков, а не внутри дворов, как раньше.

К концу петровского времени не только Кремль, но и Китай-город в значительной степени был застроен каменными зданиями. В остальных же частях города шло в основном деревянное строительство. Оно регулировалось издававшимися строительными правилами, согласно которым улицы и переулки должны были стать прямее и приблизительно одинаковой ширины на всем протяжении. Эти правила повлияли на застройку Москвы и в последующие годы.

Архитектура

Во второй половине XVII века Кремль все еще блистал своей красотой – соборами, храмами, монастырями, царскими дворцами, теремами знатных вельмож, напоминавшими о пышности царской жизни. Пожар в 1696 году, в год смерти царя Ивана V, был началом разрушения и запустения Кремля. В эпоху Петра I строительство на его территории практически не велось. Лишь в 1702 году архитектором М. И. Чоглоковым и другими на месте снесенных частных домов и сахарного завода начали возводить строгое здание Арсенала. В плане постройки оно имело форму трапеции и включало внутренний двор. Здание должно было иметь богатое декоративное убранство – позолоченную черепицу на кровле и роспись наружных стен. Однако в 1713 году крыша Арсенала рухнула, и почти завершенное строительство остановилось. Его продолжили только в 1722 году и завершили спустя десять лет.

Синодальным указом 1722 года в Москве были уничтожены почти все часовни. Этой участи избежала Иверская часовня у Воскресенских ворот Китай-города, где сохранялась Иверская икона Божией Матери. В 1791 году ее перестроили и благоустроили.

Одна из самых значительных московских построек Петровской эпохи – заново отстроенный в 1685–1689 годах Новодевичий монастырь. В конце 1690-х годов было завершено строительство в Донском монастыре – нового грандиозного собора, стен и башен.

В 1687–1692 годах неизвестный монах-зодчий достроил Большой Каменный (Всехсвятский) мост через Москву-реку около Боровицких ворот Кремля – одно из крупнейших сооружений, начатое возводиться еще в 1643 году. Остальные мосты оставались деревянными «живыми» (т. е. плавучими, разбивавшимися в половодье).

В архитектуре Москвы петровского времени большое значение приобретает возведение общественных (светских) зданий. Лучшее из них – Сухарева башня, построенная зодчим М. И. Чоглоковым в два приема – в 1692–1699 годах в два этажа и в 1698–1701 годах, когда был надстроен еще один ярус. Башня получила свое название от фамилии командира одного из стрелецких полков, оставшегося верным Петру I. Это здание напоминает европейские ратуши, с массивной нижней частью и высокой стройной башней, с широкой парадной открытой лестницей, ведущей к верхним палатам.

Довольно близкой по архитектуре к Сухаревой башне было здание Главной аптеки на Красной площади, выстроенное на Красной площади, на месте, где сейчас находится Исторический музей.

Монетный двор у Воскресенских ворот Китай-города был основан в конце XVII века, а его здание возведено в 1697 году. Палаты Монетного двора были выстроены двухэтажными с проездной аркой, ведущей во внутренний двор. На первом этаже располагались производственные помещения (Плавильная, Кузнечная, Плащильная и Прожигальная палаты), каждое из которых имело отдельный вход с улицы. На втором этаже – Казначейная, Кладовая, Рабочая и Пробирная палаты. В целях пожарной безопасности первый этаж с внешней стороны не имел окон и поэтому смотрелся как единый, монолитный цоколь. Второй этаж, наоборот, прорезан большими оконными проемами и восьмигранными окнами второго света, так как чеканка и другие производившиеся там процессы требовали хорошего освещения. Второй этаж богато украшен в стилистике московского барокко – пышными белокаменными наличниками, колонками и изразцовым фризом.

Исключительная декоративность русского зодчества Петровской эпохи сказалась и в других светских постройках, в первую очередь в особняках богатых вельмож. В начале XVIII века на Тверской улице возвели каменный трехэтажный дом боярина Троекурова с белокаменным декором. В конце XVII века по заказу Петра I для Ф. Лефортова в Немецкой слободе возвели величественный Лефортовский дворец (архитектор Д. Аксамитин). Нарядное здание поражало современников роскошью внутренней отделки и пышностью декоративного убранства.

В 1723 году Петр I купил у родственников умершего первого русского графа Ф. А. Головина его дворец за Яузой, в Лефортове, сломал старые строения и на их месте построил новый дворец, перед которым разбил дворцовый сад (ныне Лефортовский парк). На его месте в конце XVIII века был возведен существующий ныне Екатерининский дворец. Память о петровском Головинском дворце сохранилась в названии Головинской набережной и Головинского шоссе.

В церковном зодчестве в это время царил «московское барокко», лучшим примером которого служит Покровская церковь в Филях, выстроенная к 1693 году на средства дяди Петра I боярина Л. К. Нарышкина. При всем богатстве узорного декоративного убранства этот храм отличается строгостью классического стиля.

В ближайшем подмосковном селе Лыкове архитектор Я. Г. Бухвостов в 1701 году возвел Троицкую церковь с тонкой узорной орнаментальной резьбой и праздничной красно-белой окраской.

Другой замечательный памятник церковного зодчества – церковь в подмосковном селе Дубровицы, возведенная в 1690–1704 годах.

Необычна и замечательна церковь архангела Гавриила («Меншикова башня»), выстроенная в 1706–1707 годах самым одаренным зодчим начала XVIII века И. П. Зарудным. Ему же приписывают и церковь Иоанна Воина на Якиманке, возведенную в 1709–1713 годах.

Указ Петра I 1714 года о запрещении каменного строительства по всей России, кроме Петербурга, на некоторое время задержал развитие московской архитектуры.

В 1722 году Петр I поручил Полицмейстерской канцелярии надзор за строительством в Москве и назначил для этого архитектора. Он приказал в центре города строить каменные дома «в линию» и не оставлять пространства между ними, что привыкшие к широкому раздолью москвичи далеко не всегда соблюдали.

Московское зодчество петровского времени заложило основы архитектурного направления, блестяще продолженного архитекторами К. И. Бланком, И. Ф. Мичуриным, Д. В. Ухтомским.

Жилище

В XVII веке жилище московского боярина представляло собой громадный двор, окруженный высокой бревенчатой или кирпичной стеной. Над главными воротами, разукрашенными резьбой и башенками с расписными дверцами, в киоте помещалась икона.

Четырехугольный деревянный дом боярина был сложен из дубовых брусьев с умением, без единого гвоздя для скрепы. Все щели были проложены мхом для тепла. В первом этаже, подклети, жили холопы, второй занимала хозяйская семья. Обширные теплые сени соединяли дом с соседним – покоем боярских сыновей. Над горницей и сенями шел третий этаж – высокий терем для боярыни с боярышнями. Крытые переходы соединяли хоромы с домовою церковью. По всему двору были разбросаны амбары, клети, конюшни и мыльня. Много места занимал тенистый сад, где между рядами яблонь и груш росли в грядках овощи, в парниках дыни, а возле изгороди черемуха, калина и горькая рябина.

Шелковые ткани, по большей части красных цветов, расшитые золотом, покрывали лавки, скамьи, дубовые с резьбой столы. Солнечные лучи, проникая сквозь разноцветные стекла, играли на серебряных паникадилах в столовой палате, на зеленой муравленой печи, обитых красной кожей стенах и расписном потолке. Дорогие пушистые ковры лежали на полу. На маленьких пестрых столиках были разложены для украшения различные вещицы: серебряные яблоки, позолоченный мужичок, костяной городок с башнями, часы с затейливыми фигурками. Но ни зеркал, ни картин не допускал благочестивый боярин в своих покоях, так как духовенство не одобряло этих заморских украшений.

В 1660–1670-х годах своей необычностью отличался дом князя Василия Васильевича Голицына, стоявший за высокой оградой недалеко от Тверской улицы при ее пересечении с Охотным рядом, резко выделяясь среди других строений своей величиной и изяществом. Крыша боярских хором была покрыта медными листами. Внутри тоже многое было устроено на иноземный лад. В столовой палате – дорогие ковры, живопись. На потолке изображено нечто, похожее на небо с солнцем, планетами и звездами, а вокруг в позолоченных ободках, искусно вырезанных из дерева, целый ряд изображений пророков. Сверху спускалась оригинальная люстра с шестью подсвечниками, которую как бы поддерживала золоченая голова лося. Стены отделаны под мрамор, окна частью расписаны, на стенах – зеркала в золоченых резных и черепашьих рамах. Кое-где в простенках висели индийские и персидские ковры с золотыми и серебряными узорами на красном шелковом фоне. Посреди комнаты стояли столы со скамьями вокруг, обитые красным гамбургским сукном, и огромный, весь резной шкаф для серебряной посуды.

В кабинете хозяина, отделенного от столовой несколькими переходами, стены частью были завешаны кожами немецкой работы. Кругом портреты царей в дорогих рамах, ниже *шпалеры* – изображения из охотничьей жизни, как видно, вывезенные из заграницы. В углу стояли клавикорды, далее на особой подставке – орган. В простенках между окон были развешаны географические карты. Множество небольших тумбочек, столиков, шифоньерка. На них – поставцы, шкатулки, янтарный ящичек. Около двери висел термометр в тонкой резной раме.

Дом богатого москвича, но не столь знатного, как В. В. Голицын, в конце XVII–XVIII века представлял из себя бревенчатый пятистенник, одна половина которого – светлица с «каморкой» (семейное помещение с особой спальней), и вторая половина – светлица для гостей. В гостиной – оштукатуренный потолок, выстланный каменной лещадью пол, украшенная зелеными изразцами печь. На стенах уже появляются зеркала, по стенам стулья и лавки, посередине дубовые столы, покрытые коврами скатертями. При доме обязательно были сад и огород, конюшни и кладовые. Во дворе в просторном месте, где не держали никакого хлама, соломы

и рогож, ставили печь, на которой готовили кушанья и грели воду для хозяйственных нужд. Среди предметов мебели стали появляться стулья и шкафы.

Благоустройство

Главным несчастьем Москвы по-прежнему оставались пожары, уничтожавшие зачастую целые слободы и уносившие жизнь многих людей. Датский посол в Москве Юст Юль записал около 1710 года: «Когда видишь здесь начинающийся пожар, становится страшно. Так как почти весь город построен из леса, а пожарные учреждения плохи, то огонь распространяется до тех пор, пока есть чему гореть».

Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском

На крестце в Китай-городе

В 1701 году выгорел почти весь Кремль, на следующий год – Посольский приказ в Кремле. В 1709 году пожар уничтожил многие улицы в Белом и Земляном городе. Требовались более современные, организованные мероприятия по борьбе с огнем. По указу 2 мая 1711 года гарнизонные полки стали снабжаться пожарными инструментами – топорами, ведрами, лопатами, крюками, баграми, насосами. На больших улицах предписывалось иметь «заливные трубы медные с рукавами». Для изготовления таких труб выстроили небольшую мануфактуру. Несмотря на эти меры, 1712 год ознаменовался самым опустошительным пожаром в эпоху Петра I, сгорело 9 монастырей, 56 храмов, более 4500 дворов.

Обязанность тушить пожары лежала, прежде всего, на самих обывателях, которые должны были под угрозой штрафа «в пожарное время бежать без замедления для тушения». Когда царский двор находился в Москве, придворные тоже во главе с царем участвовали в борьбе с огнем. Петр I иной раз прямо с пирушки бросался «с величайшей поспешностью» на пожар и, по словам современника, «работал там, как самый простой работник, что имело отличное действие».

Общественного транспорта в Петровскую эпоху еще не существовало. В 1689 году сообщалось, что в Москве имеется около тысячи маленьких тележек, запряженных в одну лошадь, для перевозки публики с одного места на другое за небольшую плату.

Водопровод в Москве имелся только в Кремле «на царском дворе ради великого потребления». Берега рек и прудов застраивались банями. Воду брали из колодцев и ключей, а также из рек и прудов. Здесь же занимались стиркой белья.

В весеннее и осеннее время от реки Неглинной, протекавшей по местности, где позже появился Охотный ряд и Александровский сад, образовывалась непроходимая топь, издававшая зловонный запах из-за находившихся здесь же свалок мусора.

Московские улицы из-за повсеместного обилия грязи требовали благоустройства. «В этом большом городе улицы не мощенные (по недостатку камня), а только выложены старыми деревянными кругляками; местами же и вовсе ничем не выложены».

Мостить улицы камнем впервые начали в Москве в 1692 году. В Кремле и Китай-городе деревянные мостовые заменялись каменными плитами, а все остальные части Москвы предполагалось вымостить мелким камнем. Удалось это сделать лишь в малой степени. В Кремле же полностью деревянные мостовые были заменены каменными лишь к 1725 году.

Непролазная грязь была присуща Москве всегда, особенно на удалении от Кремля, ведь большая часть ее территории – болотистая местность. Даже в благоустроенной иноземной Немецкой слободе после сильного дождя «улицы слободы стали непроходимыми, повсюду там разбросаны повозки, которые так глубоко засели в грязь, что лошади бессильны их вытащить». Грязь на улицах этой слободы весной 1702 года «доходила лошадям по брюхо».

Чем больше Москва отстраивалась, чем больше людей в ней жили скученно, чем больше товаров везли в нее и из нее, тем грязнее и непригляднее становился город. Пришлось Петру I издать 9 апреля 1699 года строжайший указ: «На Москве по большим улицам и по переулкам чтоб помету и мертвечины нигде, ни против чьего двора не было, а было бы везде чисто, и о том указал великий Государь сказать на Москве всяких чинов людям. А буде в Москве всяких чинов людей, кто станет по большим улицам и по переулкам всякий помет и мертвечину бросать, и такие люди взяты будут в земской приказ, и тем людям за то учинено будет наказание, бить кнутом, да на них же взята будет пеня».

Но даже кнут не помогал в борьбе с грязью и бездорожьем.

В 1705 году был издан указ мостить московские улицы «диким камнем», для чего торговые люди и крестьяне, имевшие лошадей, обязаны были поставлять камень и песок. В 1712 году, после большого пожара, значительное количество домовладений и торговых лавок были «взяты под мостовые уличные каменные дороги». В результате этих и других петровских указов к 1730-м годам были замощены камнем вслед за Кремлем и Китай-городом главные улицы города – Тверская, Никитская, Пречистенка, Смоленская, Дмитровская, Петровская, Рождественская, Сретенская. На других улицах оставалась бревенчатая мостовая. На окраинах же города большая часть улиц и переулков вовсе не имели мостовой.

Ужесточился контроль за санитарным состоянием улиц. Каждый хозяин обязан был вывозить мусор с улицы возле своего дома, иначе подвергался штрафу. К числу санитарных мероприятий Петра I следует отнести очистку в 1703 году Поганных прудов близ Покровки, с тех пор получивших название Чистые пруды.

Наука и культура

Начальное обучение в Петровскую эпоху, как и раньше, чаще всего осуществлялось священниками, дьяконами и дьячками. Обычно оно состояло из обучения азбуке, а затем чтения и заучивания наизусть двух книг – часослова и псалтыри. Лишь в семьях богатых вельмож появляются учителя и гувернеры-иностранцы.

В Москве существовало высшее учебное заведение, основанное в 1687 году греческими учеными братьями Иоанникием и Софронием Лихудами, – Славяно-греко-латинская академия. Здесь обучали богословию, философии, риторике, языкознанию, физике и психологии. Наряду с подготовкой духовенства в ее задачи входило давать образование лицам, предназначенным к поступлению на государственную службу. Многие ученики академии становились переводчиками и переписчиками в учреждениях, учителями в школах и у частных лиц. Но основная масса выпускников получала духовное звание.

Петру I нужны были люди, знающие военное и морское дело, знающие ремесло и фабрично-заводское управление. Таких людей не могли дать школы, существовавшие при его отце

и деде. И вот он стал посылать за границу молодых дворян для изучения там «навигационной науки». Устраивались новые школы и в самой России, и прежде всего в Москве.

Возникает ряд учебных заведений, задача которых – подготовить образованных чиновников для учреждений и командиров для армии и флота. Самое известное из них – учрежденная в 1701 году Навигационная школа в Сухаревой башне. Все тут было ново и необычно по сравнению со школами прежнего времени. Учителями были приезжие англичане, которые обучали русских «мореходным хитростным искусствам». При школе было два подготовительных класса: «русская школа», где учили читать и писать по-русски, и «цифирная школа», где проходили начальный счет. В самой школе изучались арифметика, геометрия, тригонометрия, навигация, морская астрономия, география, а также фехтование. Все это были науки, о которых прежние школьники и не слышали.

Была открыта также Артиллерийская школа на Новом Пушечном дворе.

В 1705 году в Москве было создано еще одно учебное заведение – гимназия католического пастора Э. Глюка. Ее открыли в палатах боярина Нарышкина, на углу Маросейки и Златоустовского переулков. Глюк обещал учить воспитанников географии, политике, латинскому ораторскому искусству, французскому, немецкому, латинскому, греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому языкам, а также танцевальному искусству, французской учтивости, рыцарской конной езде и умению выезжать лошадей. Обучение было бесплатное. В гимназию принимались дети не только бояр и дворян, но и купцов. Так как учебников в России еще не было, то Глюк написал для учеников гимназии на русском языке краткую географию, русскую грамматику, лютеранский катехизис и молитвенник. Учителя – все иноземцы – жили в школе в казенных квартирах. Через десять лет школу пришлось закрыть из-за нехватки учащихся, так как православные родители не желали отдавать своих чад в учение католикам.

В 1707 году открыли при Военном госпитале Медицинское училище для обучения «аптекарской науки 50 человек», в 1712 году – Инженерную школу на 100–150 человек. Устраивали также учебные заведения при лютеранских кирках.

Количество светской литературы резко увеличилось в эпоху Петра I. В Москве были отпечатаны «Трехязычный букварь» Ф. П. Поликарпова (1701 год), «Арифметика» Л. Ф. Магницкого (1703 год), грамматика Мелетия Смотрицкого. Были напечатаны даже «Таблицы логарифмов».

Издавалась и нравоучительная назидательная литература. Среди нее особой популярностью пользовался своеобразный кодекс дворянского житейского обхождения – «Юности честное зеркало».

Среди сочинений, в которых обсуждались экономические проблемы страны, выделяется научный труд И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», который он закончил в 1724 году. В нем изложена система экономических реформ, направленных на улучшение хозяйства России и ущемление дворянских привилегий. Посошков отстаивает права купечества как на внутреннюю, так и на внешнюю торговлю, советует помещикам не разорять своих крестьян, требует установить единые постоянные размеры крестьянских повинностей.

Начали печатать переводы иностранной литературы. Так, в 1716 году по царскому повелению были напечатаны «Дружеские разговоры» Эразма Роттердамского на русском и голландском языках, хотя высказанные в этой книге мысли противоречили православному учению.

Большое просветительское значение имела также Московская типография на Печатном дворе. Обычно тираж выпускаемых ею книг был 1200 экземпляров, но более ходовые книги, как, например, азбука и календари, выходили тиражом в несколько раз большим. Лишь технические книги, снабженные дорогими обходившимися чертежами и не рассчитанные на широкое распространение, печатались в количестве от 200 до 500 экземпляров.

Гражданские книги с 1708 года печатались в Московской типографии уже не славянским шрифтом, а русскими «литерами» – шрифтом, который употребляется и поныне.

В Москве зародилась и первая русская газета. Указ о ее печатании был издан 16 декабря 1702 года, а первый номер вышел 2 января 1703 года. До 1711 года «Ведомости» печатались только в Москве, затем стали издаваться также в Петербурге, а с 1720 года издание газеты было целиком переведено в Петербург.

В Петровскую эпоху среди высшей знати начинает входить в моду знание иностранных языков и обычай говорить по возможности только на чужом наречии. Об этом говорит и знаменитое руководство того времени по воспитанию дворянских детей «Юности честное зерцало»: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы тем навикнуть могли: а особливо когда что им тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать».

Особенно стал распространен французский язык. Им стали овладевать не только дворяне, но и именитое купечество, и чиновники, и военные начальники. Русский язык постепенно исчезает из гостиной аристократа, его уже не услышишь на ассамблеях и званых обедах.

Медицина и призрение бедных

В 1673 году при Гостином дворе была открыта так называемая Новая аптека Гутменша, а в 1682 году у Никитских ворот, рядом с первым гражданским госпиталем третья аптека «для того, чтобы со всяким рецептом ходить в город неудобно».

В документах XVII века неоднократно упоминаются аптекарские сады или аптечные огороды. Здесь под наблюдением иностранных *ботаников-огородников* рядом с лекарственными растениями росли ягодные кусты и плодовые деревья. Когда осенью 1661 года создавали «новый аптекарский двор, что у Каменного моста», то сажали там черную, белую и красную смородину, вишню и сливу, для чего были взяты саженцы из частного сада Никиты Ивановича Романова, в котором также росли «аптекарские всякие травы».

Аптекарские сады и огороды служили не только для разведения лекарственных растений, но и для приготовления здесь же самих лекарств, для чего имелись специальные фармацевтические лаборатории.

В 1701 году император Петр I издал указ о закрытии всех зеленых лавок, торгующих лекарствами, и о даровании права открытия и содержания вольных аптек всем желающим. Но простолюдины больше полагались на народную медицину. Француз Жак Маржерет подметил, что если русский человек чувствует себя больным, то выпивает хорошую чарку водки, сыпав в нее предварительно заряд ружейного пороха или толченого чеснока, а затем немедленно идет в баню, где потеет два-три часа.

При царе Алексее Михайловиче на русскую службу было принято несколько десятков докторов, аптекарей и алхимиков, главным образом англичан и немцев. В большом количестве стали появляться лица низшего медицинского образования – лекари. Современники так разделяли их: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а сам ненаучен, а обтекар у них у обеих повар». То есть, доктор – теоретик, лекарь – практик, аптекарь – составитель лекарств.

Иноземные врачи

По прибытию в Москву иноземный врач посещал сначала Посольский, а затем Аптекарский приказ. Он должен был предъявить свой диплом и рекомендательные письма от коронованных особ или коллегии врачей и приводился к присяге.

Начало хирургии в России следует отнести к 1706–1707 годам, когда в Москве были основаны первый военный госпиталь за Лефортовским мостом через Язу² и при нем медико-

² Ныне Главный военный госпиталь имени Н. Н. Бурденко.

хирургическое училище, которые возглавил Николай Бидлоо³ – выпускник Лейденского университета. Петр I поддержал это важное начинание. И не мудрено, ведь император имел склонность к хирургии и, наряду с математическими инструментами, носил при себе два ланцета для кровопускания, анатомический нож и клещи для выдергивания зубов. Известно несколько случаев, когда государь весьма успешно производил на людях несложные хирургические операции.

В медико-хирургическом училище преподавание велось исключительно на латинском языке, и лишь в 1764 году было разрешено читать лекции на русском и немецком языках. Первые выпускники Московской госпитальной школы немногочисленны: четыре человека в 1712 году, шесть – в 1713 году, двенадцать – в 1714 году. Да и в своем большинстве они не оставались в Москве, а направлялись в армию. Воспитанники школы получали только самые элементарные знания и навыки.

Москвичи же в своем подавляющем большинстве продолжали лечиться, как и век, и два назад. Захворает барин, родня, ключницы, дворники, приживалки – все собираются на консилиум. Как лечить барина?.. Дуют, заговаривают, поят зельем с нашептыванием, зарывают в землю записочки.

Важным начинанием начала XVIII века стало появление в Москве «вольных аптек», то есть принадлежавших частным лицам, а не только госпиталям, как было раньше. Поскольку большая часть лекарств того времени имела растительное происхождение, аптекарям вменялось в обязанность создание аптекарских садов и огородов. Самым большим из них был основанный еще в 1706 году на севере от Москвы для нужд военного госпиталя в Лефортове. В 1805 году он перешел в ведение Московского университета и стал называться Ботаническим садом⁴.

Петр I указом от 8 июля 1701 года предписал построить в Москве около приходских церквей шестьдесят богаделен для престарелых и увечных жителей, не имеющих средств к существованию. Указом 1714 года велено было также при церквях устроить особые госпитали для призрения «засорных младенцев, которых жены и девки рожают незаконно и стыда ради отметывают в разные места».

Театр

Царь Алексей Михайлович, падкий на всякие диковинки и развлечения, жадно прислушивался к рассказам о том, как живут люди в Немецкой слободе и в далеких чужих краях. Особенно было задето его любопытство рассказами о том, как устраивают у иностранцев комедии, то есть театральные представления. Он и раньше знал об этом из донесений послов, попадавших за границы на театральные представления. Теперь живые рассказы людей, стоявших близко к Немецкой слободе, увлекли его, и он решил завести театр у себя.

И вот 15 мая 1672 года боярин Матвеев объявил своему приятелю иностранцу Стадену царский указ ехать за границу нанимать мастеров, «которые б умели всякия комедии строить». Но нетерпение царя было так велико, что Матвеев не стал дожидаться нанятых актеров и решил устроить театр при помощи московских немцев. В Немецкой слободе ему указали на пастора Иоганна Готфрида Грегори, и тот согласился устроить комедию.

На шестой день по рождению царевича Петра, 4 июня 1672 года, было объявлено, что царь указал «учинить комедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь, и для того действия устроити хоромину вновь» в селе Преображенском. Но прежде, чем узаконить небы-

³ Годы жизни: 1670–1735.

⁴ Ныне филиал Ботанического сада МГУ (проспект Мира, 26).

валую дотоле потеху, царь посоветовался со своим духовником. Духовник, сославшись на пример византийских императоров, разрешил. И работа закипела.

Грегори со своим помощником принялся за сочинение комедии и за разучивание ее с только что набранными актерами. Всех их было шестьдесят четыре человека, частью русские, частью иноземцы. В то же время в селе Преображенском, не жалея средств, строили театральное здание, украшали сцену, готовили костюмы, парики и прочие сценические принадлежности. Через четыре с половиной месяца все было готово, и на 17 октября назначили первое представление «Артаксерксова действия», как называли эту первую пьесу.

В июне 1675 года умер Грегори, а через полгода скончался и сам державный покровитель театра. Театральное дело приостановилось и было восстановлено лишь в царствование Петра I, когда не только в Кремле показывали пьесы, но и выстроили в 1702 году комедийную хоромину для «простого всенародства» на Красной площади, вмещавшую четыреста зрителей. Внутри здание было расписано червлёной краской, убрано сукнами и освещалось свешивающимися с потолка люстрами. Сцена находилась на возвышении и отделялась от публики брусом с перилами и занавесом. Перед занавесом помещались хор и музыканты. Темы представлений носили, как бы сейчас сказали, «политический характер». Их положительными героями были короли, полководцы, придворные вельможи. Актеры выступали в кафтанах, шитых мишурой и стеклярусом, в кружевных епанчах, в шляпах с перьями или в блестящих латах и жестяных коронах. Трагические монологи и любовные сцены перемежались фарсом, который никогда не обходился без смешного слуги, то есть шута. Более всего публике нравились в сценических постановках драки с щедрыми и звонкими ударами, переходящие за грань пристойности шуточки и нежные мелодраматические монологи влюбленных. Публику на таких непристойных зрелищах, конечно, представляли не вельможи, а ремесленники, дворовые, солдаты, подьячие. Но им вскоре надоело однообразие сюжетов и невразумительные слова, своим «высоким штилем» резко отличавшиеся от речи простолюдинов. Театральное дело шло все хуже, и хоромину на Красной площади в 1706 году закрыли.

В 1707 году сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна открыла театр в селе Преображенском. В труппе состояло около 10 актеров и 16 музыкантов. По ее примеру вдова царя Ивана Алексеевича царица Прасковья Федоровна устроила свой театр в селе Измайлове. В этих придворных театрах разыгрывались пьесы на библейские сюжеты и сценки, взятые из рыцарских романов.

Существовали также театры при школах, где актерами выступали учащиеся и преподаватели. Здесь предпочтение отдавали в основном пьесам, прославляющим победы русского оружия в Северной войне.

Своеобразным театральным представлением можно назвать также появившиеся балы и маскарады, которые попервоначально назывались ассамблеями и на которых принуждали присутствовать не только мужчин, но и дам. В начале XVIII века Петр I специальным указом постановил: «Ассамблея – слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делается, не только для забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговаривать, также слышать, что где делается, при том же и забава. А каким образом оные ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет. В котором доме ассамблея имеет быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куда вольно всякому придти, как мужскому, так и женскому. Ранее пяти или четырех не начинается, а далее пополудни не продолжается. Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать и не токмо вышеописанное не повинен чинить, но хотя и дома не случится оно, нет ничего; но только повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто просит, игры, на столах употребляемые... Во время бытия в ассамблее вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить или ужимать...»

Ассамблеи начинались с официальных танцев, в которых обязаны были участвовать все присутствующие. Позже танцы стали центром этих общественных мероприятий.

Гулянья и прочие потехи

Москвичам издавна полюбились скоморохи. Заливались гусли, гремели сурьмы (трубы), били барабаны и накры (род литавр). А под звуки этой музыки плясуны, одетые в пестрые платья, тешили православный люд своими плясками. Вон на улице еще одна потеха: обученный всяческим шуткам косолапый Мишка встает на задние лапы, кланяется честному народу и показывает, как бабы горох воруют, как теща зятя потчует...

А еще забавнее поводиличи медведей. Громкий смех нескольких десятков голосов оглашает улицу, когда одна за другой сыплются их присказки и прибаутки... А дальше на площади что за оказия? Волки, лисицы, зверье разное?.. Нет, это так кажется. Подойди поближе, сейчас же разглядишь, что это люди, переряженные в вывороченные наизнанку лисьи и волчьи шубы. Потешается честной народ!

– Глядя, гляди! Вот так харя! – кричит кто-нибудь, заливаясь от смеха.

Хари (маски) волков и лисиц на самом деле безобразны, они сделаны весьма неискусно и густо размалеваны красками. В таком виде маски мало напоминали волчьи и лисьи морды. Но русский народ был невзыскателен, и вид этих людей, переодетых зверями, доставлял ему несказанное удовольствие.

Особенно популярны были масленичные потехи. В 1722 году, на масленице, по случаю заключения Нейштадтского мира, Петр I угостил Москву невиданным ею дотоле зрелищем – маскарадом и санным катаньем. Еще задолго до масленицы начались приготовления к этому замечательному празднеству, который устраивался в подмосковном селе Всехсвятском (окрестности станции метро «Сокол») под личным надзором самого Петра. Еще с вечера в среду на масленице множество морских судов разного вида и величины были поставлены на сани, в которые были назначены для упряжи отборные лошади и различные звери. В четверг на масленице, по данному ракетой знаку, этот сухопутный флот двинулся из села Всехсвятского и потянулся к Тверским воротам. Впереди поезда ехал арлекин, или шутикар, на больших санях, в которые были запряжены гуськом шесть лошадей, украшенных бубенчиками и побрякушками. За шутикарем ехал в больших санях князь-папа Зотов – отъявленный пьяница, одетый в длинную красную епанчу, подбитую горностаем. У ног его сидел Бахус на бочке. За князем-папой шла его свита, а за свитой ехал шут в санях, запряженных четырьмя свиньями. Потом следовал флот под предводительством Нептуна, который ехал на колеснице и держал в руке трезубец – жезл, имеющий форму вила, обращенных остриями кверху. Далее двигался восьмидесяти восьми пушечный корабль, в полном вооружении, построенный по образцу того, который годом раньше был спущен на воду. На этом корабле сидел сам государь, в одежде флотского капитана, окруженный флотскими адмиралами и офицерами и командовал как бы на море. За кораблем, в раззолоченной гондоле, ехала императрица со своею свитою. Вся свита была одета в арабское платье, а сама императрица – в платье крестьянки. Затем, после нового ряда замаскированных, ехала так называемая «неугомонная обитель» – в широких, длинных санях, сделанных наподобие драконовой головы с разинутой пастью. Члены этой «обители», наряженные разными зверями, птицами и огненными змеями, заканчивали собою маскарадный поезд.

Это разнообразное и небывалое шествие, изумившее своею новизною москвичей, от Тверских ворот направилось в Кремль и въехало в него при пушечных выстрелах уже вечером. Три дня после того продолжалось самое раздольное пированье. Участвовавшие в маскараде в течение трех дней переряживались по несколько раз в день. В Прощеное воскресенье празд-

нество это закончилось пиром, данным народу, и великолепным фейерверком, который тогда был в новинку и назывался «огненной потехой».

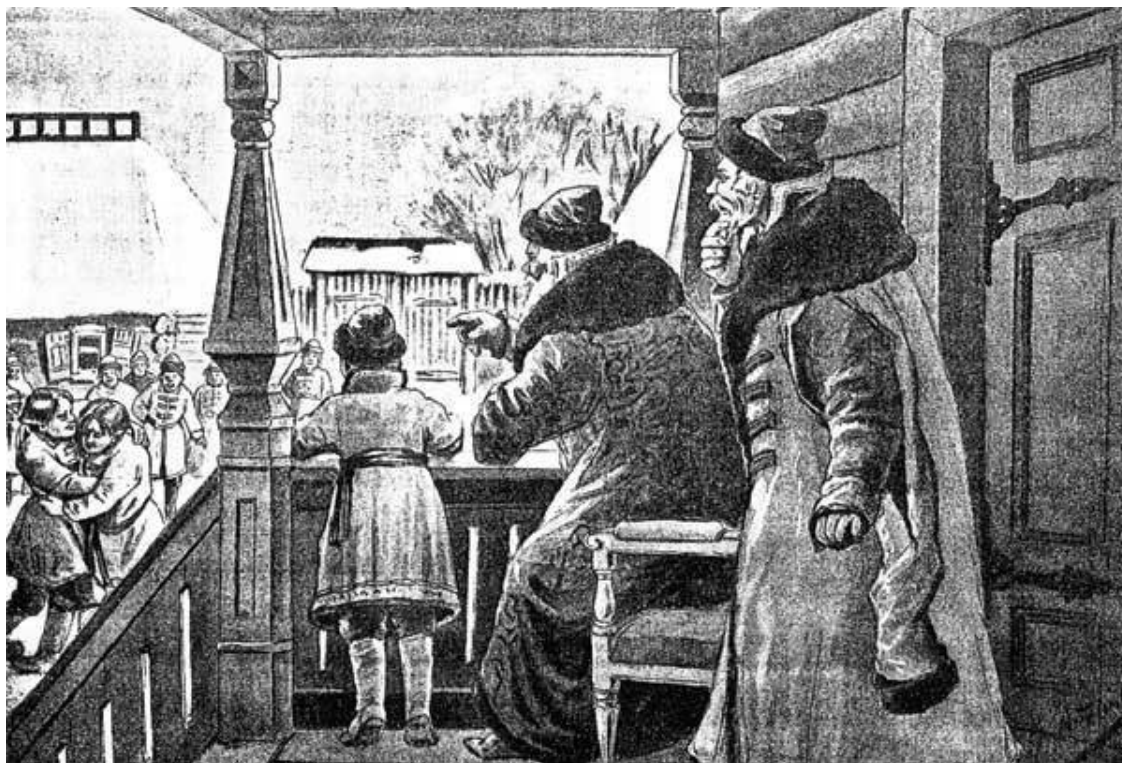
Народ удовлетворял свои потребности к потехам театром-балаганом, похожим на скомороший, который устраивали на ярмарках в дни православных праздников. Особым успехом здесь пользовались интермедии, осмеивающие глупого барина, корысть чиновника и жадность попов.

Но все сословия сходились на том, что пляски и задорные песни в дни отдохновения от трудов – лучшее зрелище. Притом и зрители могли в них поучаствовать. Человек ведь научился танцевать раньше, чем говорить. Пляской выражали радость и печаль, призывали к охоте и бою, заявляли о своей любви и ненависти. Каждому народу можно дать характеристику, увидев его национальные танцы.

Московские простолюдины любили кулачные и палочные бои, которые собирали массу зрителей. Участники разбивались на две группы и наступали друг на друга стенкой. Начиналась потасовка, причем в азарте так нещадно бились, что нередко побоища кончались смертными случаями. Но жизнь в Московской Руси ценилась дешево.

Большой маскарад в Москве: празднование Ништадтского мира. С 31 января по 4 февраля 1722 года

Боярская потеха

«Что записные кулачные бойцы показывают за деньги или из тщеславия, – записал в своем дневнике 24 июня 1722 года приезжий иностранец Ф. Берхгольц, – они делают даром, из простого удовольствия, иногда в трезвом виде и даже с лучшими своими приятелями, потому вовсе не сердятся, когда им разбивают в кровь носы и физиономии и рвут один на другом рубашки. Для полного удовольствия они даже снимают с себя поддевки и рубахи и наделают друг друга ударами по голому телу, по которому громко шлепают, так что со стороны может показаться, что драка идет не на живот, а на смерть. Бойцы, когда бьют разом и руками, и ногами, готовы, кажется, съесть один другого, так свирепо выражение их лиц. И все-таки они остаются лучшими друзьями, когда дело закончено».

Москвичам был известен кабак у Лобного места под именем «Неугасимой свечи», или «Под пушкой» (рядом стояли пушки). Популярен был также кабак «Каток» у Троицких ворот Кремля, куда заходил даже Петр I выпить чарку пенника, и здесь он получил внушение от одного старика за то, что выпил чарку, не перекрестившись. Любили москвичи Петровское кружало на Петровке и соседний с ним кабак «Татьянка», который вошел в народные песни.

Татарское слово «кабак» означало «откупное питейное заведение, где продаются и тут же распиваются спиртные и хмельные напитки». Правда, Петр I приказал называть кабаки, что были почище, на иностранный манер «австериями». Но название не прижилось. Сам царь-плотник, пока не переселился в выстроенный на иноземный лад Петербург, любил заглянуть в кабак, то бишь первую открытую австерию, в Китай-городе, в палатах прежней придворной аптеки, – выпить рюмку анисовой водки и закусить кренделем (потом в этом помещении размещался Московский университет и первая при нем гражданская типография). Примеру императора следовали многие военные и гражданские чины. Другая австерия находилась на Никольской, близ Ветошного ряда.

Московская жизнь

Кончина Тишайшего царя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.